

Содержание

Ольга Балла-Гертман
Преодоление литературы
Предисловие

7

Запасный выход

17

Рыцарь

271

Экспедиция

297

Сахар

347

Преодоление литературы

Уже прочитав совсем готовую к изданию книгу Ильи Кочергина, чувствуешь сильный соблазн перечитать ее заново — удерживая в памяти прочитанное и рассматривая вошедшие сюда тексты один сквозь другой. Причем на сей раз перечитать в обратном порядке, с конца, — независимо от того, когда именно был впервые опубликован каждый из составивших ее текстов: есть идеи, осуществляющие себя непоследовательно, нелинейно, и, вполне возможно, перед нами тот самый случай.

Во всяком случае, хочется устроить так, чтобы текст, давший название всей книге — «Запасный выход» (по объему это повесть, по формальным признакам — скорее уж дневник: хронологически последовательные записи явно о собственной жизни автора — датированные только по месяцам, годы напрямую не названы, но по ряду признаков узнаются безошибочно; по прихотливому, со многими непредсказуемыми отступлениями, ходу мысли при общности интуиций — ближе всего к эссе), —

оказался прочитан последним и в полной мере раскрыл бы ту идею, которая, кажется читательскому глазу, за всем стоит. (Между прочим, этот текст действительно был впервые опубликован позже всех остальных — в мартовском «Новом мире» 2024 года.)

Сам автор судил иначе, поставив «Запасный выход» во главе сборника, как ключ к нему. Своя логика, впрочем, есть и в таком расположении; во всяком случае, в этой дневниковой повести отчетливо видится результат — может быть, промежуточный — некоторой эволюции.

Смыслом этой эволюции представляется постепенное перерастание литературой (личной литературной практикой автора) собственных формальных границ. Расшатывание и преодоление типовых беллетристических условностей и конвенций (отгораживающих нас, подобно всем условностям и конвенциям, для того и заведены, от бездны) и переход в новое качество.

В рамках конвенциональной беллетристики с сюжетом и выдуманными героями автору, кажется, всё теснее и теснее — хотя он прекрасно справляется со всеми ее правилами; тесно именно потому, что он прекрасно с ними справляется: тем виднее, тем очевиднее их фиктивная природа. Автор ищет — и находит — выход, тот самый, запасный.

Все остальные тексты сборника (в жанровом отношении каждый из них, без исключения, — классический рассказ) представляют разные этапы пути к этому прорыву, нащупывания его, осознания — и, наконец, осуществления — потребности в нем. Ступени, которые к нему подводят. Скорлупы, которые сбрасываются.

И автобиографизм, который (казалось бы) торжествует в «Запасном выходе», — на самом деле только инструмент — хотя инструмент очень действенный и совершенно необходимый, — который позволяет отделить все эти беллетристические скорлупы от тела смысла и, наконец, сбросить их. Вообще увидеть их как скорлупы, подлежащие сбрасыванию.

Итак, если восходить по воображаемой нами лестнице от нижней, наиболее прочной ступени к верхним, всё более проблематичным — и всё более интересным, на роль той самой прочной первой ступени идеально подходит «Экспедиция» — текст безупречно и правильно беллетристический, выстроенный по всем канонам. Следующий этап — «Сахар», который еще вполне уместается в беллетристические рамки, но написан (уже?) от первого лица (неважно, в какой мере это лицо автобиографично, достаточно и того, что оно — первое; в «Экспедиции» лицо еще третье, а повествователя с его личностными и жизненными особенностями не видно вообще). Далее — «Рыцарь», автобиографичность и невымысленность которого совсем уж несомненны (... или это только кажется? — но и в таком случае автор устроил это очень убедительно). Это всё еще рассказ с четким, последовательно выстроенным сюжетом, но весь сюжет здесь — жизнь человека, которого повествователь близко знал на протяжении многих лет, от сердцевины жизни до смерти, постепенные перемены в этом человеке — без всяких дополнительных беллетристических ухищрений. И, наконец, — «Запасный выход». Скорлупы трещат по швам; к концу этого текста они будут валяться у ног автора и читателя.

Вообще-то между рассказами этой книги и «Запасным выходом» есть, кажется, еще одно важное звено, которое в этот сборник не включено, поскольку пару лет назад было издано отдельной книгой: это «Присвоение пространства»*, собрание, условно говоря, путевой, травелогической эссеистики Кочергина — об отношениях, как и сказано в его названии, человека и пространств; о личных отношениях автора с ними (на самом деле все-таки — с самим собой посредством пространства), о смыслах и стимулах этих отношений. Для более полного понимания событий, о которых идет речь в «Запасном выходе», было бы, кажется, очень полезным прочитать «Присвоение пространства» и держать его перед внутренним взором, тем более что общая тема всех рассказов ныне обсуждаемой книги, в самом первом приближении, — человек и пространство, свободное от цивилизации, от ее удобств, защит и иллюзий; человек на границе между природой и культурой, попытки человека эту границу пересекать и то, что из этого получается; разные типы людей, которых что бы то ни было влечет к такому странному занятию, — от героини «Экспедиции», вполне поверхностной туристки Полины, которой природа чужда и страшна, до «рыцаря» Игорёши: по формальным обязанностям — сотрудник заповедника, патрулирующий его границы, по существу он — человек, не мыслящий себя без постоянного и полного опасностей взаимодействия

---

* Кочергин И.Н. Присвоение пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2022. (Письма русского путешественника).

с дикой и чуждой человеку природой, потому что, по его чувству, в этом и только в этом — полнота и подлинность жизни. И повествователь в рассказе совершенно разделяет — по крайней мере, поначалу — эту очарованность своего старшего друга:

«Нелегко было осадить Игорёшу, если он, налегая на согласные звуки, ломал крутые перевалы, рвал с плеча ружье перед вставшим медведем, дотягивал на пределе сил самые трудные последние километры, отогревал потерявшие чувствительность от мороза пальцы, чтобы единственной оставшейся спичкой разжечь костер. Мы выходили от Валиного насмешливого взгляда покурить и тут, на крыльце, уже свободно месили лыжами снег, тратили последние патроны и боролись за жизнь в трудной работе. Вернее, он боролся, а я бежал вприпрыжку за его рассказами и покрывался мурашками от предвкушения».

В такой жизни действительно оказывается очень много настоящего, целительного, спасающего повествователя от тупиков и ошибок его городской жизни: «Игорёша спас меня, — признается повествователь себе ли, нам ли, — от чего-то плохого. Тоскливого и позорного, ставшего почти неотвратимым».

Потом, правда, выяснится и проблематичность такого — казалось бы, совершенно прекрасного — образа жизни, и сопутствующей ему картины мира («Женщины, живущие в этом мире, обязаны быть прекрасны, вернее, они автоматически становятся прекрасны, оказавшись в нем. Мужчины сильны и честны, собаки и друзья умны и верны, злодеи великодушны, природа целительна и коварна, пейзажи живописны и дики.

Мясо желательно полусырое, с ножа. Слова “йогурт”, “гендер”, “фитнес” никогда не проберутся в этот незрелый и прекрасный мир»). Спойлеров не будет, но, кажется мне, этот рассказ, как и все остальные тексты тут, как и вся книга вообще, — об избавлении от иллюзий. Даже самых целительных.

Ключевой же текст ныне представляемой книги, «Запасный выход», — о том, что происходит с человеком, когда пространство (в данном случае — деревня в Рязанской области, в которой автобиографический герой собственными руками строит дом) уже как будто вполне присвоено. Причинам потребности в таком доме и истории его возникновения в «Присвоении пространства» посвящено отдельное эссе. Тут — следующий шаг.

Основная сюжетная линия «Запасного выхода» — взаимоотношения главного героя-повествователя с конем Феней (он же, по официальному имени, Белфаст). Развитие этих отношений постепенно, шаг за шагом: от возникновения самой идеи поселить у себя коня («...гнедой двадцатилетний конь Феня буденновской породы завершил свою спортивную карьеру и вышел на пенсию. Будет проводить эту пенсию у нас. У нас будет жить пятисоткилограммовое существо и вступать с нами в контакт») до того, как конь и человек, наконец, начинают чувствовать и понимать друг друга (а человек при этом высвобождается из оков очередных человеческих представлений — например, о том, что самое осмысленное время — это то, что проведено в какой-нибудь созидательной деятельности. А вот нет! «Это совершенно впустую потраченное время — без

упражнений, без работы, без команд, без усваиваемых навыков и знаний — кажется, сближает нас наилучшим образом»). Только начинают! «Веревка и проведенное вместе время немного привязали нас друг к другу». Конструкция — как и положено настоящему дневнику — разомкнута; основная же линия, пронизывая повествование, удерживает на себе много, много всего (ну примерно рассказ обо всей жизни автора в целом).

В первом приближении это проза этическая: об отношениях с собой, с природой, с этим вот единственным старым конем в его непостижимой индивидуальности, не очень-то склонной подчиняться человеческим программам. «Беда с упражнениями в том, что после каждой команды или указующего движения с нашей стороны конь смотрит на нас в задумчивости. То ли не хочет, то ли не понимает. Посмотрите в ответ на него, на его сухую морду, на огромное тело, созданное для движения. Вот и мы смотрели со смущением». Автор не то чтобы выстраивает — скорее, выщупывает своеобразную этику, основанную на внимательном постижении иного: «Мы вдыхали его запах, смотрели на его тело и ему в глаза, мы привыкали к тому, что он немой иностранец. Приучались к его доброжелательному взгляду немного сквозь тебя, к выразительным движениям ушей, к своей глухоте и неумению владеть своими “неподатливыми телами”, слишком зажатыми для того, чтобы общаться с ним».

Это смирение человеческого — одновременно и расширение его границ. Ну, может быть, и постепенная, тихая их трансформация. Преодоление, может

быть, не только эгоцентризма («Теперь я всё чаще выхожу из своей похмельной сосредоточенности на себе и смотрю на другого»), но и самого антропоцентризма («Этот Другой пахнет лошадью, он имеет свой, непонятный тебе язык, свои эмоции, свой опыт и свои проекции»).

Нет никакой благодости, никаких обольщений. Автор постоянно помнит, что всё это трудно, что границы никогда не перейти, что чужое не перестает быть и чужим, и опасным, что контакт с этим чужим требует дисциплины и дистанции с обеих сторон: «Они как индейцы, им нельзя показывать свою боль и слабость. Нельзя хромать, морщиться от боли, выглядеть усталым, грустным, разочарованным, отсталым, брошенным. Лучше вообще никак не выглядеть. А то мы, хищники, их, больных, из всего табуна первыми выберем для того, чтобы перегрызть горло или сдать на колбасу и завести себе нового коня».

Что же до самого себя, то, рассматривая ситуацию, в которой «животное ведет меня к чему-то новому, интересному, чего не избежать. Оно ведет к новому пониманию человека» (это о том, как конь Феня под руководством жены автора занялся психотерапией), автор признает: «Я пока не нахожу себя на этой картине. Там пока для меня слишком неуютно, чуждо. Может, потом как-нибудь. Посмотрим».

Вообще же то, что делает Кочергин в «Запасном выходе», — это уже всё меньше и меньше литература. Куда скорее — экзистенциальная практика: с помощью пространств, которых никогда вполне не присвоить, коня, которого и тем более никогда не присвоить, не

покорить и не понять окончательно («Мы не достигли особенных успехов в дрессировке, а то, что достиглось, быстро забывается»), но это и не нужно — зато можно научиться жить с ним рядом. «Мы стали меньше хотеть от него и больше получать». Практика, в первую очередь терапевтическая, самосозидательная. Но и вообще — прояснение себя, человека в себе, человека как такового. Всего же в себе не исправить, прожитой жизни набело не переписать, собственных внутренних темнот не высветлить (как и коня не подчинить себе полностью) — но можно это по крайней мере понять и принять. Конь в этом помогает — уже одним только тем, что он живой и другой.

«Моя обида на весь мир уходит, поскольку невозможно серьезно смотреть на то, как сладострастно ест гордый старый конь из человеческой миски, ворочает языком, переступает копытами — сосредоточенно воссоединяется с размоченными лошадиными мюслями. Мы каждый, как умеем, копошимся на тонкой плодородной пленке Земли, раздуваемся в размерах, чтобы у нас не отобрали тарелку с кашей раньше времени, сражаемся с жуками за урожай на дне высохшего древнего моря».

Сложный, трудный для самого себя человек при молчаливой помощи коня дорастает до, наверно, одной из самых мудрых человеческих позиций: доверия бытию без попыток его покорить и присвоить. Покорение и присвоение сменилось вслушиванием, вчувствованием, осознанием себя его смиренной и внимательной частью, нисколько не обольщаясь собственным местом и значением в нем.

Ольга Балла-Гертман

«В центре видимого мне пейзажа обиды утрачивают свою значимость. Это очень важно, это спасает. Надо только не уставать вглядываться. И я вглядываюсь».

И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба.

Ольга Балла-Гертман

Апрель 2024

ЗАПАСНЫЙ ВЫХОД

ПОВЕСТЬ

МАРТ

Заповедники
и табула раса

В начале марта я копался в интернете, собирая материал о заповедниках для очередной детской книжки.

Прежде всего, выяснил, какая из охраняемых природных территорий самая большая, какая — самая маленькая, какая была самой первой. Записал.

Поехали дальше. Теперь нужно найти что-то легко сопоставимое с общей площадью российских заповедников и национальных парков.

Писать такое образовательно-полезное чтиво вообще-то скучновато, книжки выходят не для детей, а для родительниц, выбирающих печатную продукцию для своего потомства, и для надзорных органов, оберегающих комфортное детство. Они должны получиться максимально развивающими и преувеличенно безопасными. Я знаю одну маму, которая вырезала из детской энциклопедии некоторые картинки к статье о физиологии человека перед тем, как дать эту энциклопедию дочке, чтобы эти картинки

не травмировали сознание ребенка. Ладно, скажу, раз уж об этом зашла речь, это была моя близкая родственница, — в моей семье женщины всегда страстно увлекались табуированием.

Писать скучно, но собирать материал я люблю, особенно когда занимаюсь этим без спешки. Устраиваешься с утра на диване сам, устраиваешь рядышком кружку с чаем и, например, черные имбирные пряники, которые продаются у нас в райцентре в магазине под названием «Бакс». И уплываешь по гиперссылкам.

И я бы не назвал такое плавание в сетевых морях серфингом, хотя его так часто называют. Скорее, дайвинг в теплом коралловом море. Ныряешь туда со своим чаем и пряниками, лениво шевелишь ластами, в наушниках что-нибудь доисторическое, из времени моего глубокого детства, из времени, когда люди хотели выкарабкаться из напугавшего человечество модерна, когда они воодушевленно говорили «прощай» огромному натуральному миру и готовились к переселению в наш маленький, рукотворный. Зря они втащили в это домашнее пространство, отделанное пластиковыми панелями под натуральное дерево, и сам громоздкий модерн: прощаться, так уж прощаться по-настоящему.

Почувствуй эту простенькую музыку, в ней еще есть простор, они поют о девочках, о больших городах, о чем угодно, но у них просто до фига простора — и в жизни, и в музыке, у них перед глазами далекий горизонт и всегда под рукой долгая дорога до

мой, *long way to home*. Ты оттуда родом, из этого понятного, доисторического, незамысловатого времени, и ты каждый раз с опаской и восторгом начинаешь прогулку по чужим для тебя, необъятным цифровым пространствам. Странные эти пространства без простора, обозреваемые через окошечко монитора.

Они бездонны, здесь не на что опереться, ты проваливаешься и зависаешь, спутав верх, низ и все стороны света. Паришь себе в бескрайней информационной толще, заныриваешь в форумы, следуешь за табунками комментариев, пока тебя не захватывает другая тема. Или пока кислород под рукой не кончается, так что нужно с виноватым видом поискать что-нибудь в буфете или холодильнике.

По дороге к холодильнику взглядываешь в окно, а там — занесенные снегом поля и неподвижные, нарисованные тушью деревья. Летом в моем окне видны поля, заросшие дикой травой, и деревья, плавно шевелящие кронами. Все это — из прошлого мира, где не существовало смартфонов, где телефоны близких и понравившиеся стихи помнились наизусть. Я все же проделал тот долгий путь к дому, о чем пели в те времена, и построил этот свой дом так, чтобы мне нравился вид из окошек: заросшие просторы на самом краю умирающего села. Закрыл, как говорится, гештальт, и теперь, возможно, готов к чему-то новому.

Добываешь себе из буфета какие-нибудь орешки или печенья и плюхаешься обратно в безбрежное,